

VI
13
2

ЧТЕНИЕ

для

802-17
1967

СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНИЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦИЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАИОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ. -6

№ 13, 14, 15 и 16. -24

Съ приложениемъ четырнадцати рисунковъ.

Штурмъ аула Китури, при которомъ смертельно раненъ
генералъ Вревскій.
(20 августа 1858 г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

началь посыпать банникъ въ дуло съ такимъ же хладнокровiemъ, какъ бы помеломъ изъ печи золу выметалъ.

Этотъ примѣръ свидѣтельствуетъ какъ о безстрашніи пластуновъ, такъ и о способности ихъ усвоить быстро новое незнакомое имъ прежде дѣло.

Терпѣливость урядника Самсона Полянскаго въ перенесеніи мучительныхъ страданій отъ раны штыкомъ.

Въ одной изъ неудавшихся ночныхъ вылазокъ, урядникъ 8-го баталіона Пашковской станицы, Самсонъ Полянскій, былъ раненъ штыкомъ въ животъ и взятъ въ плѣнъ. Не желая поступать въ госпиталь, тѣмъ болѣе, что госпиталь былъ непріятельскій, онъ скрывалъ свою рану, перенося жестокія мученія и не обнаруживая ихъ ни однимъ стономъ. Онъ принуждалъ себя стоять или ходить въ такія минуты, когда и лежать-то спокойно другому не было-бы мочи. Онъ залѣпливалъ себѣ рану, какъ самъ говоритъ, мякишемъ хлѣба, въ ущербъ своему суточному раціону, стягивалъ животъ башлыкомъ и выходилъ на столько прочно, что отбылъ шесть мѣсяцевъ крѣпостныхъ работъ въ Тулонѣ и нынѣ работаетъ на своемъ полѣ, въ юртѣ Пашковской станицы *).

ТРУДНОСТИ НАБѢГОВЪ ВЪ ТУРКМЕНСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

(Замѣтка, хотя поздняя, но вѣрная).

Набѣгъ къ колодцамъ Таганкычъ.—Проводнику туркмену не всегда можно довѣрять. — Достигненіе отрядомъ цѣли предпріятія и обратное возвращеніе въ Чикишляръ. — Бѣдствія оставленныхъ въ пустынѣ 85 человѣкъ. Бѣдствіе команды въ 79 чел. находчивость рядового и спасеніе отъ гибели всѣй команды.

Въ 1872 г. полковникъ Маркововъ, во время командированія на восточномъ берегу каспійскаго моря отрядомъ, сосредоточеннымъ въ укрѣпленіи Чикишляръ, получилъ неожиданно извѣстіе, что къ колодцамъ Таганкычъ, находящимся въ направленіи къ югу, приковывали немирные туркмены со множествомъ верблюдовъ и баранты.

Вслѣдствіе этого извѣстія, немедленно были посланы въ набѣгъ, изъ чикишлярскаго отряда,—сильно нуждавшагося въ верблюдахъ для рекогносцировокъ во внутрь Туркменіи,—250 чел. пѣхоты и 6-ть линейныхъ казаковъ, подъ командою маюра 80 пѣхотнаго кабардинскаго фельдмаршала князя Барятинскаго полка Козловскаго, съ приказаніемъ, завладѣть верблюдами враждебныхъ кочевниковъ, если представится къ тому возможность.

Колона, имѣвшая при себѣ, проводника-туркмена, а подъ необходимые припасы и воду двухъ верблюдовъ, выступила на легкахъ въ 2 часа утра 27 августа. Хотя отъ Чикишляра до названныхъ колодцевъ, по утвержденію проводника было только 40 верстъ, но колона,

*) Кровотеченія при колотыхъ ранахъ живота обыкновенно не бываетъ, да и самую рану сдава отыщешь; но страданія при этомъ ужасны: животъ вздувается; при малѣшемъ прикосновеніи и движеніи вызывается сильная боль, лицо блѣднѣетъ и принимаетъ страдальческое выраженіе.

сдѣлавъ въ одинъ день въ полтора раза болѣе этого, не достигла цѣли движенія, и къ вечеру того же числа должна была остановиться на отдыхъ въ неизвѣстной и безводной пустынѣ.

Бывшіе при колонѣ два верблюда не выдержали усиленного перехода и пали, 85 чел. нижнихъ чиновъ, отъ сильного утомленія по пройденному, въ тропической зной, песчаному пути выбились изъ силъ и, при подъемѣ колоны съ вечерняго привала, были не въ состояніи идти далѣе, почему при нихъ оставлены были два офицера, прапорщики:—Жуковъ и Алфимовъ.

Какъ безсильные, такъ и сохранившіе еще силы, въ равной степени были мучимы жаждою; въ зной, доходившій въ полдень до 44 град., весь запасъ воды былъ выпитъ. Проводникъ, котораго начальникъ колоны спрашивалъ, скоро ли онъ приведетъ отрядъ къ колодцамъ, отвѣчалъ, что скоро; и отрядъ съ трудомъ продолжалъ двигаться по пустынѣ, но колодцы не показывались. Начальникъ колоны, маиръ Козловскій заподозрилъ проводника въ злому намѣреніи—уморить колону жаждою въ безводной пустынѣ, такъ какъ онъ видимо велъ ее по слишкомъ кружному пути, оправдываясь тѣмъ, что въ прямомъ направленіи существовали будто бы топкіе солончаки. Тогда начальникъ колоны, сообразивъ всю трудность положенія отряда, оставаться безъ воды въ знойной песчаной пустынѣ, призналъ необходимымъ испытать проводника, дѣйствуя на него страхомъ. Хладнокровно вынувъ изъ кобуры револьверъ и приставивъ его къ проводнику, онъ грозно объявилъ: если тотъ къ разсвѣту не приведетъ къ колодцамъ, то будетъ застрѣленъ какъ собака. Плутъ туркменъ клялся, что

чрезъ 6-ть часовъ времени онъ непремѣнно приведетъ къ водѣ. Уверенія его хотя и были приняты съ крайней осторожностью, но тѣмъ не менѣе нѣсколько ободрили упавшихъ духомъ и силами людей.

Туркмену, между тѣмъ, было приказано щѣхать рядомъ съ Козловскимъ и баталіоннымъ адъютантомъ послѣдняго, имѣвшими наготовѣ револьверы; позади щѣхалъ казакъ съ обнаженной шашкою. Всѣдѣ за ними, едва передвигая ноги, не весело двинулась съ сумерки колона. Всѣ безсильные остались на мѣстѣ привала; изъ числа ихъ одинъ умеръ отъ солнечнаго удара.

Пришугнутый туркменъ—проводникъ, въ этотъ разъ сдержанъ свою клятву; онъ привелъ колону къ колодцамъ Таганкычъ раньше назначенаго имъ времени. Кочевниковъ у колодцевъ не оказалась, но воды, годной для питья, оказалось достаточное количество. Всѣ въ колонѣ благодарили Бога за эту благодать, возвращившую имъ силы и бодрость.

Объ участіи отсталыхъ, по причинѣ совершенного изнуренія людей и лошадей, не было возможности тотчасъ подумать; только не ранѣе 7 часовъ утра слѣдующаго дня имъ была послана вѣсть о нахожденіи колоны у колодцевъ, въ 4-хъ часахъ ходьбы, съ приказаниемъ слѣдовать туда-же. Вѣстниками посланы были два рядовыхъ и имъ, для доставки воды жаждущимъ, даны были двѣ казачьи лошади, а для указанія пути тотъ-же самый проводникъ. Но посланные, пріѣдя на мѣсто вечерняго привала, крайне удивились, не найдя тамъ никого. Осмотрѣвъ тщательно мѣстность вокругъ, они увидали рукавъ солдатскаго плаща, торчавшій въ пескѣ. Заключивъ изъ этого, что всѣ ихъ товарищи

ночью перебиты туркменами, зарывшими тѣла ихъ въ песокъ, они, для повѣрки своихъ догадокъ, оставили лошадей и ружья, а сами занялись вытягиваніемъ за-рытаго въ песокъ плаща. Въ это время, недремавшій туркменъ ловко воспользовался ихъ оплошностью: онъ быстро подхвативъ ружья и лошадей за поводья, съ этой, легко доставшіей ему добычей, спокойно отпра-вился за Атрекъ.

Бѣдные солдатики, по присущей русскимъ людямъ безпечности, такъ опроставшіе, поохали про себя, вдо-воль выбралисъ и затѣмъ порѣшили немедленно вер-нуться къ колодцамъ и откровенно дождить началь-ству о случившейся съ ними оказіи и о томъ, что на мѣстѣ привала они нашли только зарытые въ песокъ плащи. Вслѣдствіе этого доклада маіоръ Козловскій, неимѣвшій болѣе проводника и ненашедшій у Таган-кыча туркменскихъ верблюдовъ, въ свою очередь благоразумно порѣшилъ, не теряя времени, вернуться по кратчайшему направленію въ Чикишляръ; куда онъ благополучно возвратился, при запасѣ воды на вер-ховыхъ лошадяхъ, и тамъ засталъ уже всѣхъ своихъ отсталыхъ 85 человѣкъ, оставленныхъ съ прaporщиками Алфимовымъ и Жуковымъ.

О бѣдствіяхъ, испытанныхъ этими людьми, ходили тогда же въ обществѣ разнорѣчивые толки, нѣкоторые даже обвиняли кого-то, что допустили бѣдствование 85-ть человѣкъ. Но едва ли кто былъ тогда виновенъ въ этихъ бѣдствіяхъ,—тѣмъ менѣе могъ быть виновенъ началь-никъ колоны, посланный въ первый разъ въ неислѣ-дованную тогда еще пустыню. Бѣдствія были испы-таны при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ ухода, колоны съ привала отсталые предались покою. Сонъ и ночная прохлада, — довольно чувстви-тельная въ августѣ въ туркменскихъ степяхъ, — на столько подкѣрили ихъ силы, что они на разсвѣтѣ, мучимые жаждою, стали рыть колодезь штыками или просто руками, — но дoryлись только до горькосоленой грязи, почему бросили безполезную работу.

Наконецъ въ 9 ч. утра 28 августа, прaporщикъ Жу-ковъ, потерявъ надежду на помощь и вѣсть изъ ко-лоны, объявилъ, что онъ, опасаясь каждой минуты промедленія, рѣшился возвратиться въ Чикишляръ, для чего намѣренъ избрать путь на сѣверо-западъ. На вы-зовъ его: кто согласенъ ему сопутствовать, откликну-лись только 4 рядовыхъ и 1 унтеръ-офицеръ. Прapor-щикъ Алфимовъ съ большинствомъ пожелалъ дождаться помощи на мѣстѣ; но и онъ, спустя часъ послѣ ухода Жукова, по примѣру его зарылъ въ песокъ плащи и повелъ команду по направленію къ сѣверу. Въ этомъ направленіи, верстахъ въ 12-ти, былъ видѣнъ высо-кій бѣлый бугоръ; къ нему-то собственно Алфимовъ и направился въ надеждѣ, что, можетъ быть, найдеть тамъ какую-нибудь воду. Эта надежда, на одномъ предположеніи основанная, не обманула его: тамъ дѣй-ствительно находился источникъ съ порядочной прѣс-ной водою, о существованіи котораго было умолчано проводникомъ и мирными туркменами. Источникъ этотъ, находившійся въ 16-ти верстахъ отъ Чикишляра, былъ нанесенъ на карту, уже впослѣдствіи подъ названіемъ колодезя «Бѣлый Бугоръ».

Но изъ всей команды, состоявшей изъ 79 человѣкъ нижнихъ чиновъ и офицера (Алфимова), только одному

рядовому посчастливилось доползти до бугра: все остальные, не дойдя одной-двухъ верстъ, попадали въ изнеможеніи отъ жажды на протяженіи двухъ верстъ и признаками ихъ жизни были однѣ конвульсивныя движенія рукъ и ногъ. (Почти всегдашнее явленіе слишкомъ продолжительной жажды въ зной). Счастливый солдатикъ, достигшій до спасительного источника, по утоленіи жажды, не позабылъ о своихъ погибавшихъ товарищахъ; но, для спасенія ихъ, ему была необходима какая-либо посудина, которой у него не имѣлось. Тогда ему пришла на умъ мысль обратить въ ведра свои сапоги; онъ попробовалъ зачерпнуть воды—опытъ удался, хотя не совсѣмъ: одинъ сапогъ оказался съ дырой. Но онъ и съ остальнымъ, цѣлымъ, прошолся нѣсколько разъ по пути, устланному умывавшими, и посредствомъ, воды, набираемой въ сапогъ, возвратилъ къ жизни офицера и всѣхъ до одного—своихъ товарищѣй.

Спасенная такимъ образомъ отъ смерти, команда, послѣ утоленія жажды и достаточного отдыха у колодезя, вечеромъ 28 августа, уже безъ особыхъ бѣдствій, достигла до Чикишляра, не бросивъ ни одного ружья. Вслѣдствіе доклада офицера о направленіи, взятымъ партіей подъ командою прапорщика Жукова, ночью въ укрѣпленіи было пущено нѣсколько сигнальныхъ ракетъ; а утромъ слѣдующаго дня была отправлена, для спасенія погибавшихъ въ пустынѣ, команда изъ 20 чел. при офицерѣ, имѣвшая съ собою запасную воду въ мѣхахъ, которыми былъ навьюченъ порткіонный волъ.

Партія прапорщика Жукова, отправившаяся утромъ

28 августа по избранному имъ направленію, прошла въ тотъ день небольшое разстояніе: страшный зной и усталость отъ ходьбы по пескамъ скоро заставили всѣхъ лечь. Снявъ съ себя бѣлье и обмотавъ имъ головы, для защиты отъ солнечного удара, они кое-какъ укрывали отъ припековъ свое обнаженное тѣло подъ навѣсомъ изъ исподней же одежи, повѣшенной на составленныя ружья. Такъ пролежали они до вечера, а вечеромъ, передъ закатомъ солнца, одѣлись и снова пошли по неизвѣстному пути. Шли они цѣлую ночь и утромъ слѣдующаго дня набрели на обширную яму, съ грязью на днѣ. Полагая, что то былъ когда-то колодезь, они влѣзли въ яму, выбросали руками первые слои грязи и съ радостью увидѣли воду; но, къ несчастію, она оказалась очень горькой и невозможной для питья. Тогда офицеру пришла мысль сдѣлать чай. Въ карманѣ у него нашлось нѣсколько кусочковъ сахара и щепоть чаю; котелокъ и нѣсколько зажигательныхъ спичекъ нашлись у солдатъ, а сухаго буряну вблизи было вдоволь. Вскипятили воду, выжатую изъ грязи, заварили чай,—но, не смотря на мучительную жажду, не могли сдѣлать и по глотку отвратительной микстуры.

Послѣ этого путники прошли, а гдѣ проползли, еще нѣкоторое разстояніе; наконецъ, въ полномъ изнеможеніи, повалились на жгучій песокъ, укрывъ только голову подъ навѣсомъ изъ тряпья... Было уже 3 часа пополудни, а съ 10-ти часовъ утра они лежали какъ мертвѣцы; черезъ обнаженное ихъ тѣло переползали ядовитые гады, и никто не обращалъ на это вниманія. Потерявъ надежду на спасеніе, они ожидали мол-

ча, безъ стоновъ и вздоховъ, своего конца, — да, впрочемъ, и говорить-то они не могли: горло и языки у нихъ у всѣхъ были распухшіе. Наконецъ, кто-то изъ нихъ прервалъ гробовое молчаніе и съ трудомъ, сквозь зубы пролепеталъ: «А мнѣ братцы, все сдается, что мы сегодня непремѣнно будемъ спасены: сегодня царскій день и вездѣ во всѣхъ церквяхъ было богослуженіе; и за насть, странствующихъ, молились Богу».

Говорившій заявлялъ свои надежды 29-го августа, полагая что 30-е число. Но только что онъ окончилъ эти слова, какъ вдругъ, въ сторонѣ, щелкнулъ ружейный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Эти выстрѣлы произвели оживляющее дѣйствіе на умиравшихъ; всѣ они, хотя не безъ усилія, поднялись на ноги, а у одного рядового хватило силы зарядить ружье, поднять его и сдѣлать одинъ выстрѣлъ, въ отвѣтъ на поданные сигналы.

Черезъ пол-часа послѣ этого пришла на помощь къ погибающимъ команда, посланная изъ Чикишляра съ водою на быкѣ, за неимѣніемъ верблюдовъ. Но бѣдные страдальцы равнодушно смотрѣли на подносимую имъ братской рукою воду: отъ продолжительного неупотребленія ея у нихъ пропалъ позывъ на питье, иритомъ, они не могли глотать распухшій горломъ. Тогда начальникъ команды, штабс-капитанъ Яновскій, влилъ каждому больному въ ротъ по чайной ложечкѣ спирту; это испытанное средство тотчасъ растворило горловой пищепріемный каналъ и позвало на питье.

Послѣ подкѣплѣнія силь водою и сухарями, размоченными въ водѣ, больные, получивъ запасную воду, пошли по указанному направлению въ укрѣпленіе, быв-

шее верстахъ въ 10-ти. Яновскій же съ командою отправился въ мѣсту привала колоны, вечеромъ 27-го августа, дабы забрать плащи, зарытые въ песокъ. Онъ благополучно совершилъ этотъ переходъ, но большая часть плащѣй уже была похищена туркменами.

Прапорщикъ Жуковъ съ унтеръ-офицеромъ и 4-мя рядовыми пришелъ въ Чикишляръ въ заполночь на 30-е августа. Вследствіе чрезмѣрныхъ лишеній, превозшедшихъ лишенія, испытанныя колоною Маркозова, во время движенія въ Хиву въ 1873 г., всѣ они съ горячкою поступили въ походный лазаретъ, откуда двое изъ нихъ не вышли.

Маюру Козловскому, послѣ возвращенія его изъ набѣга къ колодцамъ Таганклычъ, поручено было съ 2-мя ротами, серьезно припугнуть, приморскихъ мирныхъ туркменовъ,—за расхищенные солдатскіе плащи и похищенные проводникомъ двѣ лошади и два ружья. Арестованные аульные старшины, видя, что за нихъ берутся не на шутку, клялись бородою Магомета и Ѣли песокъ въ доказательство, что не знаютъ, кто похитилъ плащи, а лошадей и ружья обѣщали вернуть, если имъ будетъ позволено послать за Атрекъ своихъ довѣренныхъ. Позволеніе было дано, и спустя нѣсколько дней, лошади и ружья были возвращены въ исправности.

К. Б.

802-17
1961

ЧТЕНИЕ
для
СОЛДАТЬ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНИЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦИЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАИОРА
А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЫЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложениемъ шести рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Князь-Голенищевъ-Кутузовъ.

СОЛДАТСКИЙ СОБЕСѢДНИКЪ.

Дѣйствія Туркестанскаго и Оренбургскаго отрядовъ противъ Туркменъ юмудовъ.—2) Торжественное открытие памятника Петру I, въ Петровскѣ, 29-го июня. 3) Полковой праздникъ 17-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка и мысль генералъ-лейтенанта Геймана о сооруженіи памятника рядовому полка Архипу Осипову. 4) Похороны русскаго офицера въ Гревенденѣ. 5) Проводы 1-го гусарскаго Сумскаго полка жителями г. Бѣжецки, Тверской губерніи. 6) Солдатскій театръ въ г. Канскѣ.

I.

Дѣйствія Туркестанскаго и Оренбургскаго отрядовъ противъ Туркменъ юмудовъ.

Причины военныхъ дѣйствій противъ Туркменъ.—Дѣло при дер. Чендыръ 13-го июля.—Ночное нападеніе 10 тысячъ Туркменъ 15-го июля.—Совершенное пораженіе Туркменъ 17-го июля и отбитіе у нихъ значительного числа арбъ съ имуществомъ.—Просьба старшинъ родовъ Туркменовъ о дозволеніи поселиться на прежнемъ мѣстѣ жительства.—

Наложеніе на Туркменъ контрибуціи.

Послѣ занятія Хивы, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, имѣя въ виду заставить ханское правительство исполнять въ будущемъ требованія Россіи, призналъ необходимымъ измѣнить тѣ отношенія, которыя устанавились и существуютъ въ Хивѣ между туркменами и правительствомъ хивинскаго хана. Во время пребыванія нашихъ войскъ въ Хивѣ выяснилось, что власть хана надъ туркменами, живущими въ не вдалиномъ разстояніи отъ Хивы, на мѣстахъ привольныхъ, богатыхъ растительностю,—есть власть только по названію, и что туркмены, ограждаясь именемъ хана, безнаказанно разбойничали. Ханъ былъ бессиленъ. Племя туркменъ, доходящее до 30-ти тысячъ кибитокъ, было весьма

грозно для хивинскаго правительства; такъ какъ оно весьма воинственно и до крайности своевольное разбойническое племя могло выставить (по одному человѣку съ кибитки), до 30-ти тысячъ вооруженныхъ воиновъ, чрезвычайно смѣлыхъ, дерзкихъ, хищническихъ, на прекрасныхъ, быстрыхъ, выносливыхъ коняхъ. Управляемые въ своей средѣ на общинномъ начальствѣ, туркмены не привыкли къ повиновенію и совершенно не подчиняются никакой власти и не исполняютъ никакихъ требованій хана и его правительства. Не внося въ ханску казну никакихъ податей, туркмены только обязаны выставлять ханскому правительству для защиты земель ханства опредѣленное число воиновъ. Они выполняли и эту повинность не такъ, какъ приказывалъ имъ ханъ, а какъ они находили это для себя болѣе удобнымъ; число воиновъ ими выставлялось не то, которое было указываемо ханомъ, а по мѣрѣ возможности и по ихъ собственному усмотрѣнію. Поступивъ въ ряды хивинскаго воинства, они получали отъ хана содержаніе и, кромѣ того, проходя по землямъ своихъ же соотечественниковъ, подданныхъ хана, считали своимъ долгомъ и въ полномъ себѣ правъ обиравть жителей и получать съ нихъ все, что имъ было нужно.

Вслѣдствіе этого произошло то, что туркмены и самъ ханъ хивинскій считали, что только они одни (туркмены) могутъ защищать ханское правительство и отстоять противъ всякаго врага земли ханства и поэтому ханъ и былъ въ зависимости отъ туркменъ.

Генералъ-адъютантъ Кауфманъ нашелъ, что неудобно дозволять туркменамъ господствовать и распоряжаться

такимъ образомъ въ ханствѣ, потому что тогда ханъ, при всемъ его искреннемъ желаніи выполнять наши требования, но находясь подъ вліяніемъ туркменъ, былъ бы не въ состояніи ихъ исполнять.

По этому командующій войсками, пользуясь пребываніемъ нашихъ войскъ въ ханствѣ, рѣшилъ ослабить туркменовъ материально и нравственно, сломивъ ихъ кичливость и необузданность. Въ этихъ видахъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ опредѣлилъ взыскать съ туркменовъ пенью въ 300,000 руб. и приказалъ начать сборъ ея съ болѣе многочисленнаго, сильнаго и беспокойнаго рода туркменъ-іомудовъ.

Для объявленія о наложеніи этой пени, и для определенія условій взноса денегъ и срока уплаты, еще въ концѣ іюня потребованы были въ Хиву старшины отдѣленій іомудовъ. На заявленіе о контрибуціи, явившіеся старшины объявили командующему войсками, что пена будетъ уплачена. Тогда генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отпустилъ домой пятерыхъ старшинъ, по одному съ каждого отдѣленія, приказавъ имъ объявить народу свое рѣшеніе и распорядиться сборомъ денегъ. Остальныхъ старшинъ въ числѣ 12-ти, командующій войсками оставилъ заложниками въ лагерь нашихъ войскъ съ тѣмъ, чтобы отпустить ихъ по домамъ, какъ только начнется взносъ пени отъ іомудовъ. Вышеупомянутые пять старшинъ отправились изъ Хивы въ свои отдѣленія 6-го іюля.

Для наблюденія за ходомъ сбора денегъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ выдвинулъ, 7-го іюля, изъ Хивы къ г. Хазавату отрядъ, въ составѣ 8-ми ротъ, 10-ти орудій (въ томъ числѣ двѣ картечницы), всю

кавалерію Туркестанскаго и Кавказскаго отрядовъ (въ семь сеянъ съ ракетною батарею), подъ начальствомъ генералъ-маіора Головачева.

На другой день, по прибытіи войскъ къ Хазавату, генераль-маіоръ Головачевъ получилъ свѣдѣніе, что іомуды не только не приступаютъ къ сбору контрибуціи, но поднялись съ своихъ мѣстъ, собираются откочевывать и дать русскимъ вооруженный отпоръ.

На основаніи этихъ извѣстій, генераль-маіоръ Головачевъ двинулъ съ отрядомъ въ іомутскія кочевья; и 9-го іюля, прибылъ на арыкъ Базаркатъ. Здѣсь генералу Головачеву донесли съ передовыхъ постовъ, что съ разныхъ сторонъ показались значительныя партіи іомудовъ, очевидно слѣдящія за отрядомъ, а рабы туркменъ-персіяне, бѣжавшіе отъ нихъ, объяснили, что туркмены перекочевываютъ не много впереди отряда къ Исмамутъ-ата.

Получивъ эти извѣстія, генераль Головачевъ поручилъ полковнику Блоку съ авангардомъ изъ пяти сотенъ съ ракетною батарею преслѣдовать туркменъ, а самъ съ остальнымъ отрядомъ, двинулъ вслѣдъ за кавалеріей.

При движеніи авангарда полковника Блока, онъ имѣлъ стычку съ туркменами, которыхъ и загналъ въ р. Зайкешъ, гдѣ ихъ множество погибло, какъ убитыми, такъ и утонувшими, при чемъ полковникъ Блокъ отбилъ у туркменовъ скотъ и арбы.

Генераль Головачевъ, двигаясь вслѣдъ за авангардомъ, 13-го іюля сталъ лагеремъ у дер. Чандыръ. Здѣсь онъ получилъ донесеніе съ пикетовъ о появленіи близъ лагеря значительной партіи туркменъ, очевидно

намѣревавшихся напасть на лагерь, поѣтому немедленно принялъ необходимыя мѣры къ ихъ отраженію.

Едва только сдѣланы были приготовленія, какъ туркмены, появившіеся впереди лагеря, тотчасъ-же бросились въ атаку на отрядъ полковника Новомлинскаго, и пошли въ обходъ съверной и южной сторонъ лагеря. Фронтальная атака туркменовъ была отбита, съ большимъ для нихъ урономъ, огнемъ 3-го стрѣлковаго баталіона и выстрѣлами скорострѣльныхъ пушекъ. Въ то же время, непріятель, бросившись въ обходъ правой стороны лагеря, скрываясь въ прилежащихъ садахъ, стремительно бросился изъ нихъ на послѣднихъ (заднихъ) верблюдовъ, которыхъ въ это время уводили въ лагерь и, не взирая на мѣткій огонь роты 2-го стрѣлковаго баталіона и прикрытия верблюдовъ, успѣлъ захватить пять нашихъ верблюдовъ. Туркмены дорого заплатили за это нападеніе: подъ огнемъ 2-го стрѣлковаго баталіона и людей прикрытия, они бросились бѣжать назадъ, но на пути были встрѣчены огнемъ стрѣлковъ 2-й роты 3-го стрѣлковаго баталіона, такъ какъ полковникъ Новомлинскій, замѣтивъ движение туркменовъ въ правую сторону лагеря, перевѣлъ эту роту къ стѣнѣ и далѣе въ сады, по пути отступленія туркменовъ. Послѣдніе потеряли много убитыми и ранеными, и бросили захваченныхъ ими верблюдовъ.

Нападеніе туркменовъ на лѣвую сторону лагеря повлекло за собою слѣдующій печальный случай. Нашъ казачій пикетъ, высланный отъ 1-й Уральской сотни и стоявшій съ этой стороны лагеря, шагахъ 800 отъ него, замѣтивъ вдали, въ пескахъ, появленіе туркменовъ, сталъ отступать на лагерь, отстрѣливаясь. Пра-

порщикъ Каменецкій, бывшій въ этотъ день дежурнымъ по кавалеріи, только что передъ тѣмъ выѣхалъ повѣрять посты и направился къ означеному пикету; встрѣтивъ послѣдній, онъ, вместо того чтобы продолжать отступленіе, повернулся пикетъ назадъ и, выхвативъ шашку, бросился на бывшую впереди небольшую кучку туркменовъ, но внезапно натолкнулся на партію, по крайней мѣрѣ, въ 100 человѣкъ, которая была скрыто расположена въ оврагѣ. Какъ въ лагерѣ, такъ и въ отрядѣ полковника Новомлинскаго тотчасъ-же замѣтили это нападеніе на пикетъ. Изъ лагеря немедленно была двинута въ карьеръ полусотня, подъ начальствомъ сотника Лобова, и полузвѣздъ стрѣлковъ 4-го стрѣлковаго баталіона, а изъ отряда полковника Новомлинскаго бѣгомъ бросился впередъ полузвѣздъ 4-й роты 3-го стрѣлковаго баталіона. Къ несчастію, по дальности разстоянія, люди эти опоздали; они только подобрали тѣла убитыхъ: прaporщика Каменецкаго, трехъ казаковъ 1-й Уральской сотни, одного казака 3-й Уральской сотни, а также тяжело раненаго казака 1-й уральской сотни. Туркмены же, видя наступленіе нашей кавалеріи и преслѣдуемые огнемъ высланныхъ пѣхотныхъ частей, поспѣшно отступили къ товарищамъ, нападавшимъ равнымъ образомъ; но все атаки туркменъ противъ другихъ частей отряда были отражены столь вполнѣ успѣшно, и, наконецъ, туркмены побѣжали. Преслѣдованіе ихъ продолжалось на растояніи $3\frac{1}{2}$ верстъ. Валившіеся по дорогѣ трупы людей, которые туркмены, смотря на обычай не успѣли подобрать; убитыя и раненые лошади ихъ—все свидѣтельствовало о большой потерѣ, которую они понесли и о поспѣшномъ ихъ бѣгствѣ. Къ семи часамъ

вечера, генералъ-маіоръ Головачевъ возвратился съ своими войсками въ лагерь. Въ пѣхотѣ и артиллериѣ потерь не было; въ кавалеріи же убиты: одинъ офицеръ, четыре казака и одинъ казакъ тяжело раненъ.

Послѣ этого дѣла, генералъ-маіоръ Головачевъ далъ дневку своимъ войскамъ, имѣя намѣреніе произвести 15-го іюля рѣшительное наступленіе и окончательно разсѣять туркменовъ, и для этого генералъ-маіоръ Головачевъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Но въ ночь на 15-е іюля, когда генералъ Головачевъ уже готовъ былъ къ выступленію изъ лагеря, вдругъ въ половинѣ девятаго часа вечера узнали, что кругомъ лагеря, по временамъ, мелькаютъ огоньки и слышно ржаніе лошадей; это были туркмены готовившіеся произвести нападеніе на лагерь разомъ со всѣхъ сторонъ.

Тотчасъ принялись устроивать вагенбургъ, который и былъ совсѣмъ готовъ къ $3\frac{1}{2}$ часамъ ночи; въ то же время отрядъ началъ вытягиваться по дорогѣ къ Ильяль. Впереди согласно диспозиціи, шла вся кавалерія, имѣя въ головѣ дивизіонъ подполковника Есипова и ракетную батарею. За ними дивизіонъ Его Императорскаго Высочества, князя Евгенія Максимилиановича; затѣмъ, уральскій и, наконецъ, кавказскій дивизіоны.

Едва только кавалерія стала вытягиваться съ мѣста лагернаго расположенія, по двумъ мостамъ, на дорогу въ Ильяллы, какъ вдругъ, на всемъ пространствѣ вокругъ отряда и бывшаго лагеря, одновременно послышались гиканье и крики, и массы конныхъ турменовъ понеслись на бывшій лагерь и, преимущественно, на правую его сторону. Мгновенно, по распоряженію

подполковника Главацкаго, которыйѣхалъ впереди головнаго дивизіона, развернулись на позиціи ракетная батарея и прикрывавшій ее дивизіонъ подполковника Есипова, 8-я и 12-я оренбургскія сотни, и, въ то же мгновеніе, ракеты полетѣли въ полы непріятеля. Одновременно съ этимъ, подполковникъ Главацкій приказалъ дивизіону Его Высочества и уральскому дивизіону войскаваго старшины барона Криднера броситься въ атаку правѣе дивизіона подполковника Есипова, а начальникъ всей кавалеріи отряда полковникъ Блокъ бросился съ кавказскимъ дивизіономъ лѣвѣ 1-го дивизіона подполковника Есипова.

Какъ только раздались крики непріятеля и ракетная батарея открыла огонь, генералъ-маіоръ Головачевъ лично взялъ роты 2-го стрѣлковаго баталіона, бѣгомъ повелъ ихъ на мѣсто ракетной батареи, а начальникъ штаба, подполковникъ Фриде, въ то же время, сдѣлалъ распоряженіе о выѣздѣ артиллериї вправо, такъ какъ, по топу лошадей, можно было предполагать, что непріятель прорывается туда въ огромныхъ массахъ. Въ ту же сторону онъ, черезъ прaporщика Черткова, приказалъ направиться и 3-му стрѣлковому баталіону; 8-й линейный баталіонъ, прикрывая артиллерию, тоже направился вправо, а саперы получили приказаніе выстроиться лѣвѣ кавказскихъ сотенъ подполковника Квинитадзе. Стойко выдержалъ дивизіонъ Есипова (8-я и 12-я оренбургскія сотни) первый отчаянныій натискъ непріятеля. Ракетная батарея, поражавшая непріятеля, живо отодвинулась влѣво, чтобы очистить мѣсто 2-му стрѣлковому баталіону. Баталіонъ бѣгомъ выстроилъ фронтъ и, пропустивъ батарею за свои ряды, далъ нѣ-

сколько залповъ по туркменамъ, которые, въ это время, находились уже не далѣе, какъ въ десяти шагахъ отъ фронта, такъ что, не смотря на полумракъ, можно было разсмотреть лица и фигуры нападавшихъ. Туркмены дрались съ отчаянной рѣшительностью; надвинувъ шапки на глаза, бѣгомъ, съ саблями и айбалтами въ рукахъ, кидались они на штыки; завязался рукопашный бой; нѣкоторымъ офицерамъ баталіона пришлось, наблюдая за своими частями, въ то же время, шашками отбиваться отъ непріятеля. Затѣмъ, живой ружейный огонь открылся по всей нашей боевой линіи.

Въ тоже время, когда 3-й стрѣлковый баталіонъ выстраивалъ фронтъ, 1-я и 3-я Уральскія сотни отступали, чтобы очистить мѣсто стрѣлкамъ; а непріятель видя то прорвался на плечахъ сотенъ, до передовыхъ пѣхотныхъ частей нашихъ, такъ что 3-му стрѣлковому баталіону пришлось также штыками и залпами пробиваться впередъ. Остановленный на нѣсколько минутъ, непріятель снова кинулся въ атаку и завязалъ рукопашный бой. Нѣсколько отчаянныхъ удальцовъ, прорвавшихся внутрь боеваго порядка, были переколоты штыками. Отогнавъ напиравшія на него толпы непріятеля, баталіонъ сталъ стрѣлять залпами по садамъ, справа отъ нашего боеваго порядка, и нанесъ здѣсь непріятелю большой уронъ.

Стрѣльба изъ орудій пѣшаго и коннаго дивизіоновъ, бывшихъ подъ начальствомъ подполковника Терейковскаго также заставили туркменовъ отхлынуть назадъ. Нападеніе на вагенбургъ отряда, защищаемый двумя ротами 4 го стрѣлковаго баталіона и скорострѣльными

орудіями, отбито было столь-же успешно благодаря дѣльной распорядительности подполковника Омельяновича.

По свидѣтельству генералъ-майора Головачева, войска наши дѣйствовали, въ высшей степени, хладнокровно, поражая непріятеля ружейнымъ огнемъ, штыками и сабельными ударами, не увлекаясь безполезнымъ преслѣдованіемъ и не разрывая своихъ рядовъ. Въ тѣ минуты, когда должно было пропустить, очищавшія фронтъ казачьи части, баталіоны размыкались и затѣмъ, тотчасъ-же, сомкнувъ ряды, схватывались съ непріятелемъ, который, на плечахъ казаковъ, бросался на нихъ въ атаку.

Всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что никогда еще въ Средней Азіи туземцы не оказывали такой отчаянной смѣлости и настойчивости; видно было, что они бились на жизнь и на смерть. Можна также положительно заявить что въ дѣлѣ 15-го іюля всѣ, безъ исключенія, чины нашего отряда принимали участіе въ рукопашной схваткѣ. Его Императорское Высочество Князь Евгений Максимилиановичъ, также вмѣстѣ съ другими, принялъ личное участіе въ боѣ и выстрѣломъ изъ револьвера положилъ на мѣстѣ бросившагося на него туркмена. Состоящій при Его Высочествѣ, полковникъ фонъ-Мейеръ былъ раненъ саблею въ голову и въ руку въ ту минуту, когда онъ, слѣдя за непріятелемъ, указывалъ Его Высочеству на бросившихся на него нѣсколькихъ туркменовъ. Особенно опасною была та минута, когда туркмены, на плечахъ 8-й сотни, потерявшей убитымъ своего храбраго командира подполковника Есипова, прорвались за фронтъ боевой

линії. Въ атакѣ этой участвовали, кромѣ конныхъ, также и пѣши туркмены, вооруженные, исключительно, холоднымъ оружіемъ. Они подскакивали къ фронту, сидя на крупахъ лошадей туркменскихъ всадниковъ, и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фронта, соскачивали съ лошадей и кидались въ атаку. Босые, въ однихъ рубахахъ, съ засученными рукавами, закрывая лѣвой рукой глаза, они, съ гикомъ и воплями, ворвались въ образовавшійся между 2-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 8-ю Оренбургскою сотнею промежуточъ и кинулись на свиту ген.-м. Головачева и на конвой. Въ это время, самъ ген. Головачевъ былъ раненъ сабельнымъ ударомъ въ кисть правой руки. Бросившагося на него туркмена закололъ стрѣлокъ 2-го баталіона Саятінъ.

Одновременно съ ген. Головачевымъ были ранены, саблями въ голову, начальникъ штаба подполковникъ Фриде и капитанъ Маевъ; оба они до конца дѣла оставались на лошадяхъ безъ перевязки, а затѣмъ, послѣ таковой, остались при исполненіи своихъ обязанностей.

Когда уже совершенно разсвѣло, непріятель, на всѣхъ пунктахъ отбитый и разбитый, прекратилъ свои атаки; и гикъ его слышался уже довольно далеко отъ линіи боеваго расположенія. Роты и сотни наши стояли въ грозномъ, правильномъ порядке, и картечные гранаты прогоняли державшіяся вдали толпы туркменовъ. Множество тѣлъ, лежавшихъ кругомъ боевой нашей линіи, свидѣтельствовали о томъ огромномъ уронѣ, который понесъ непріятель въ дѣлѣ 15-го іюля. Потеря непріятеля въ дѣлѣ 15-го іюля весьма велика:

по показанію туземцевъ, однихъ убитыхъ 800 человѣкъ; число раненыхъ должно быть значительнѣе.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ дѣлѣ 15-го іюля принимали участіе кромѣ юмудовъ, туркмены слѣдующихъ родовъ: гоклены, два отдѣленія чаудоровъ, имрали, часть али-или и карадаши.

Число всѣхъ туркменовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, простиралось, по разсказамъ туземцевъ, до 10,000, въ томъ числѣ было около 4,000 пѣшихъ и до 6,000 конныхъ.

Вечеръ 15-го и день 16-го іюля отрядъ занимался приготовленіемъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ непріятелемъ, и постоянно наблюдалъ за его движеніями. Съ 16-го на 17-е число отрядъ расположился лагеремъ по обширѣ берегамъ арыка Хаджа-куня-ханъ.

Часа въ четыре утра (17-го іюля), въ отрядъ прибыли два иранца которые показали, что туркмены двинулись на Куня-Ургенчъ и что не большая часть ихъ отправилась по направлению на Змушкіръ. Вследствіе этого немедленно же вся артиллериа, подъ начальствомъ полковника Блокъ, была отправлена на рысяхъ впередъ, для преслѣдованія отступающаго непріятеля. Пройдя верстъ 12 отъ мѣста ночлега, полковникъ Блокъ замѣтилъ впереди на дорогѣ непріятельскій вагенбургъ, состоящій изъ 200 или 300 арбъ, съ нагруженнымъ на нихъ имуществомъ и занятый вооруженными туркменами, которые, засѣвъ за арбы, рѣшились упорно защищать свои семейства. Не дойдя 200 или 300 шаговъ до вагенбурга, полковникъ Блокъ остановилъ кавалерію немедленно спѣшилъ 1-ю и 3-ю Уральскія сотни и приказалъ имъ овладѣть вагенбургомъ. Спѣ-

шившіеся казаки, послѣ короткой перестрѣлки, на самомъ близкимъ разстояніи, бросились въ атаку и быстро заняли вагенбургъ, не смотря на сопротивление. Здѣсь было изрублено до 200 туркменовъ. Взятое сотнями оружіе, холодное и огнестрѣльное, было тутъ же изло-мано.

По з занятіи вагенбурга и по переправѣ черезъ арыкъ, протекавшій въ тылу его, полковникъ Блокъ продолжалъ преслѣдованіе и, въ 7 верстахъ отъ мѣста перестрѣлки, встрѣтилъ новый обозъ въ 400 арбъ, овладѣніе которымъ онъ поручилъ ракетному дивизіону съ 12-ю оренбургской сотнею. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, казаки этого дивизіона и 12-я оренбургская сотня дружно ударили на вагенбургъ и овладѣли имъ, изрубивъ много туркменовъ. Послѣ взятія втораго вагенбурга, непріятель бросился бѣжать въ разныя стороны, а большая партія, отдѣлившаяся отъ главной партіи туркменовъ, кинулась влѣво отъ дороги, по направлению къ пескамъ. Для преслѣдованія этой партіи, полковникъ Блокъ командировалъ подполковника Главицкаго, съ 17-ю оренбургской и 3-ю уральской сотнями. Порученіе это было успешно исполнено, такъ какъ большая часть туркменовъ этой партіи не успѣла достигнуть песковъ, а была отброшена назадъ на дорогу, по которой продолжалось движеніе вѣренной полковнику Блоку кавалерія.

По возвращеніи 17-й оренбургской и 3-й уральской сотенъ, кавалерія двинулась впередъ рысью и, пройдя песками около 6 верстъ, снова наткнулась на третій вагенбургъ, состоявшій, примѣрно, изъ 1,000 арбъ съ богажемъ и охраняемый вооруженными туркменами, ви-

димо готовившими дать серьезный отпоръ. 17-я Оренбургская и 5-я Семирѣченская сотни, подъ командою Его Императорскаго Высочества князя Романовскаго Герцога Лейхтенбургскаго, пущенная въ атаку, дружнымъ натискомъ отбросили туркменовъ отъ вагенбурга. Нѣсколько удачныхъ атакъ, произведенныхъ нашими сотнями конно-дагестанскаго и сунженскаго полковъ, довершили пораженіе непріятеля. Вслѣдствіе атакъ, произведенныхъ нашими сотнями и настойчиваго преслѣдованія, непріятель, на этомъ мѣстѣ, оставилъ въ нашихъ рукахъ много рогатаго скота, верблюдовъ и все навьюченное на арбахъ имущество. Овладѣвъ третьимъ вагенбургомъ и оставивъ далеко въ тылу отбитый скотъ, верблюдовъ и имущество, полковникъ Блокъ счелъ необходимымъ прекратить преслѣдованіе. Потеря наша ограничилась тремя легко ранеными казаками 5-й семирѣченской сотни; уронъ же непріятеля доходитъ до 500 убитыхъ. Въ этотъ день, кавалерію отбито у туркменовъ до 5,237 головъ крупнаго и мелкаго скота, 119 верблюдовъ и 3,000 арбъ, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ.

Во время разсыпной атаки, произведенной 5-ю семирѣченской сотнею, Его Императорское Высочество князь Евгений Максимилиановичъ, находясь впереди 5-й сотни, былъ встрѣченъ толпою юмудовъ. Одинъ изъ туркменовъ бросился на Его Высочество, но направленный туркменомъ ударъ былъ предупрежденъ, купцомъ 1-й гильдіи Громовымъ, выстрѣломъ изъ винтовки, положившимъ туркмена. Купецъ Громовъ находился волонтеромъ при дивизіонѣ Его Высочества.

Междѣ тѣмъ генераль-майоръ Головачевъ спѣшилъ съ

пѣхотою и орудіями вслѣдъ за кавалеріей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности, поддержать ее. Множество арбъ, брошенныхъ на дорогѣ со всѣмъ имуществомъ, свидѣтельствовали о паническомъ страхѣ, который овладѣлъ туркменами, при видѣ приближавшагося отряда нашего. Въ поспѣшномъ бѣгствѣ своемъ, туркмены не только не могли гнать за собою табуновъ скота, но даже бросали женъ и дѣтей своихъ, и только сами спасались на лучшихъ лошадяхъ. Тѣ изъ нихъ, которые оставались у своихъ арбъ и пытались защищаться кто чѣмъ могъ, какъ и ихъ всадники, настигаемые казаками, были изрублены.

Тѣла убитыхъ встречались повсюду на дорогѣ. Видно было, что преслѣдованіе происходило горячее, и что здѣсь нанесенъ былъ турменамъ послѣдній и рѣшительный ударъ. Бѣгущій непріятель разсѣялся, наконецъ, мелкими партіями, и, уже не пытаясь сопротивляться, искалъ только спасенія въ пескахъ. Генералъ-маіоръ Головачевъ, давъ отдыхъ войскамъ и приказавъ собрать весь скотъ и сжечь всѣ арбы, оставленные туркменами, онъ въ $3\frac{1}{2}$ часа пополудни, выступилъ съ отрядомъ обратно, и дошелъ до низовья Куланъ-япа, гдѣ и ночевалъ. Въ этотъ день, были легко ранены: три казака и два джигита.

На слѣдующій день, 18-го іюля, генералъ-маіоръ Головачевъ выступилъ далѣе и остановился на ночлегъ на арыкѣ Ніазъ-Шейхъ (мѣсто стоянки отряда 16-го іюля), куда вскорѣ прибылъ и генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

Командующій войсками, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся съ отрядомъ своимъ отъ Хивы къ

мѣсту военныхъ дѣйствій еще 15-го іюля, но онъ шелъ не тою дорогою, котою слѣдовалъ отрядъ генералъ-маіора Головачева, а по пути, пролегавшему по правому берегу Хазаватскаго канала. Поселенія юмудовъ въ этихъ мѣстахъ превосходныя: они представляютъ такія же тщательно обработанныя, богатыя пашни, сады и поля какъ и между узбекскими и прочими осѣдлыми поселеніями ханства. Вся страна эта была брошена жителями, поля не убраны, въ домахъ и сакляхъ повсюду видны были слѣды поспѣшнаго оставленія юмудами своихъ жилищъ. Изъ Змукшира командующій войсками генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ утромъ 19-го іюля, прибылъ въ Ильяллы, гдѣ и нашелъ оба отряда Туркестанскій и Оренбургскій, расположенными верстахъ въ двухъ одинъ отъ другаго, по обѣ стороны гор. Ильяллы.

Погромъ, произведенный нашими войсками между юмудами, весьма значителенъ. Туркмены потеряли много убитыми, и ранеными; всего скота отбито у нихъ до 9,000 головъ; жилища, хлѣбъ, разные запасы по пути движенія отряда генералъ-маіора Головачева, отъ Хазавата до Змукшира, преданы племени; разновременно войсками уничтожено и сожжено до 3,000 арбъ съ имуществомъ юмудовъ. Ослабленные материально и пораженные нравственно, юмуды разбрѣлись въ разныя стороны, но куда именно, не было въ то время точно известно.

22-го и 23-го іюля, къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману начали являться уже депутаціи, по нѣсколько человѣкъ, отъ трехъ отдаленій юмудовъ: Ушакъ, Салакъ и Урускущи, съ просьбами о пощадѣ и о разрѣшеніи имъ вернуться и сѣсть на свои мѣста, такъ ч. д. С. кн. 5.

какъ укрывательство ихъ отъ нашихъ войскъ въ безводныхъ пескахъ можетъ повести къ окончательной ихъ гибели и къ утратѣ уцѣльшаго и оставшагося еще при нихъ скота. Командующій войсками объявилъ депутатамъ, что они могутъ селиться на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Пораженіе юмудовъ произвело впечатлѣніе во всемъ ханствѣ. Узбеки и вообще осѣдлое населеніе жителей Хивы не разъ уже страдавшее отъ хищничества и разбоевъ туркменовъ, и особенно юмудовъ Бирамъ-Шалы, очень довольны постигшей ихъ участи; наказаніе съ нашей стороны туркменовъ, они считаютъ совершенно справедливымъ и надѣются, что теперь на долго въ ханствѣ установится спокойствіе и миръ.

Ханъ также весьма доволенъ достигнутыми нашимъ оружіемъ успѣхами; онъ выслалъ къ генералу фонъ-Кауфману въ Ильяллы посланца изъ Хивы съ письмомъ, въ которомъ поздравлялъ командующаго войсками съ пораженіемъ юмудовъ и завѣрялъ, что теперь они не скоро оправятся, и имъ на долго придется отказаться отъ привычныхъ имъ хищническихъ, грабительскихъ дѣйствій.

Чтобы завершить свои дѣйствія противъ туркменъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ собралъ, 21-го іюля, въ лагерь подъ г. Ильяллы, старшинъ остальныхъ родовъ туркменовъ: чаудоровъ, имрали, кара-дашлы, али-или, гокленовъ и караджиманды *), и объявилъ имъ, что онъ требуетъ съ нихъ уплаты, въ 12-ти дневный

*) Юмуды Кара-чоха, живущіе за Куня-Ургенчемъ, не участвовали въ общемъ вооруженіи туркменовъ, и потому избавлены отъ уплаты пени.

срокъ, пени въ размѣрѣ 310,000 руб. Имѣя въ виду, что наличныхъ денегъ у туркменъ очень мало, генералъ фонъ-Кауфманъ предложилъ имъ половину, если желаютъ, уплатить верблюдами. Старшины обѣщали, что пена будетъ уплачена. Для наблюденія за сборомъ ея, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ съ войсками Туркестанскаго и съ частью Кавказскаго отрядовъ, остался временно въ лагерь у Ильяллы; Оренбургскій же отрядъ передвинутъ былъ отъ Ильяллы къ Казыль-такыру, около которого сосредоточены кочевья чаудоровъ, гокленовъ и али-или; вокругъ же Ильяллы расположены кочевья мирави и карадашлы.

На третій день опредѣленнаго имъ 12-ти дневнаго срока, всѣ роды приступили уже къ внесенію пени, и, 24-го іюля, по донесенію полковника Саранчева, къ нему доставлено было отъ ближайшихъ родовъ до 5,000 тилей или 9,000 руб.

II.

Торжественное открытие памятника Императору Петру I въ Петрозаводскѣ 29-го іюля.

29-го іюня сего года въ Петрозаводскѣ происходило торжественное открытие памятника Петру I-му. Еще 28-го іюня начали собираться изъ уѣзда крестьяне всѣхъ возрастовъ: появились старинные женскіе наряды изъ жемчуга и парчи. На пароходѣ «Царица» прибылъ изъ С.-Петербурга хоръ музыкантовъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, присланный, по ходатайству олонецкаго губернатора, съ разрѣшеніемъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, въ память того, что полкъ этотъ сформированъ Петромъ I. Городскія,

Рядовые Тенгинского пехотного полка.

1735г.

1726.

VII 13
2

ЧТЕНИЕ ·

для

СОЛДАТЪ.

802-17
1857

ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія,

подъ редакціею полковника

И. ЧЕКМАРЕВА I.

Издание К. Вингебера.

Книжка четвертая.

• 02-8208 н
годъ шестой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

22.1853
3

ратъ людей и защищаться, но въ ту же минуту получиль жестокую рану саблею. Шведы окружили его, но онъ, сражаясь, старался пробиться въ нижнюю палубу, гдѣ находилась часть команды. Получивъ другую рану кортикомъ и видя невозможность соединиться съ командою, Сухотинъ бросился въ свою каюту и заперъ за собою дверь. Шведы не успѣвъ вѣжать туда вмѣстѣ съ нимъ, требовали, чтобы онъ отперъ каюту, и за упорство грозили ему смертю. Но изъ каюты не было отвѣта. Шведы начали стрѣлять въ дверь изъ пистолетовъ, повторяли угрозы, но въ отвѣтъ слышали одни стоны страдальца. Шведы наконецъ вышли изъ терпѣнія, разломали каюту, и, увидѣвъ Сухотина покрытаго кровью и уже едва дышащаго, оставили его и бросились искать добычи. Казенное и частное имущество было расхищено, по праву побѣды; но сокровище Сухотина, которымъ онъ дорожилъ болѣе жизни, хранилось у сердца его. Пять роковыхъ пуль, одна послѣ другой, поражали Сухотина, запертаго въ каютѣ, но не могли отвлечь его отъ исполненія великодушнаго подвига. Собравъ всѣ свои силы, онъ пользовался послѣдними минутами, чтобы изорвать находившіяся у него сигнальныя книги. (*) Сухотинъ страшился, чтобы Шведы, узнавъ наши сиг-

(*) т. е. книги, заключающія въ себѣ условныя сигналы для переговоровъ одного судна съ другимъ. Сигналы эти должны быть тайною для непріятеля: иначе онъ узнаетъ всѣ предполагаемыя нами дѣйствія и движенія и, предупреждая ихъ, панесетъ намъ большой вредъ.

налы, не повредили флоту, и, запершись въ каютѣ, рвалъ бумаги зубами, рубилъ кортикомъ и раздиралъ. Но ослабѣвал отъ ранъ, не будучи въ состояніи болѣе дѣйствовать, онъ собралъ послѣднія свои силы, приложилъ бумагу къ остывающему сердцу и—скончался.

Миръ праху твоему, великодушный юноша! Да сохранится до поздняго потомства память доблестнаго твоего подвига, и да будетъ онъ примѣромъ въ службѣ и утѣшениемъ всякому русскому.

И кто не прольетъ слезы умиленія падъ раннею могилою этого юнаго героя; пусть примѣръ его возбудитъ въ сердце каждого такую же любовь, преданность и самоотверженіе къ любезному нашему отечеству, и если кому нибудь случится быть въ подобныхъ обстоятельствахъ, опь вспомнить Сухотина и подобно ему будетъ готовъ положить животъ свой, для спасенія чести русскаго флага.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ТУРКМЕНСКИХЪ РАЗБОЙНИЧЬИХЪ ЛОДОКЪ ПРИ АУЛѣ ГАСАНЪ-ГУЛИ, 19-го СЕНТЯБРЯ

1852 ГОДА.

(Разсказъ очевидца)

У юго-восточнаго берега Каспійскаго моря, противъ границы Персіи съ землею Туркменовъ, въ заливѣ Астрabadскомъ, на небольшомъ островѣ Ашураде находится наша морская станція, назначенная охранять

купцовъ и рыбопромышленниковъ отъ разбоевъ Туркменскихъ пиратовъ, которые живутъ по восточному берегу Каспія.

Утромъ 18-го сентября, командующиі Астрabadскою станцію капитанъ-лейтенантъ Свинкинъ сигналомъ съ парохода Волга, на которомъ былъ поднятъ его брейдъ-вымпель, созвалъ къ себѣ командировъ шхунъ—Тарантуль и Комаръ и объявилъ, что онъ намѣревается идти къ Туркменскому аулу Гасанъ-Гули, откуда, какъ донесли ему лазутчики, Туркмены въ большомъ числѣ собираются идти въ море для разграбленія мазандеранской провинціи. Для этого онъ приказалъ приготовить 8 лодокъ, отнятыхъ прежде у Туркменъ и восьмивесельный барказъ, и всѣ гребные суда вооружить каждыи 2-мя и 4-мя однофунтовыми фальконетами, посадить на нихъ по 12-ти человѣкъ матросовъ, выбравъ для этого охотниковъ, и раздѣлить ихъ на три дивизіона: первый дивизіонъ долженъ быть состоять изъ 2-хъ лодокъ, вооруженныхъ каждая 2-мя фальконетами и барказа, вооруженного 4-мя фальконетами; второй дивизіонъ изъ 3-хъ лодокъ, изъ коихъ одна была вооружена 4-мя фальконетами, а остальные двѣ каждая двумя. Въ третьемъ дивизіонѣ было три двухъ-фальконетныхъ лодки.

Командирами дивизіоновъ были назначены: 1-го командръ парохода Волга, лейтенантъ Ристори, 2-го командръ шхуны Тарантуль, лейтенантъ Петриченко, 3-го командръ шхуны Комаръ, лейтенантъ Курошъ.

Всѣмъ дивизіонамъ приказано было идти къ аулу Гасанъ-Гули такимъ образомъ: шхуна Тарантуль и Комаръ должны были взять на буксиръ каждая свой дивизіонъ; предъ заходженіемъ солнца сняться съ якоря и идти къ Гасанъ-Гули, чтобы, пользуясь тихими ночными вѣтрами отъ Астрabadскихъ горъ, подойти къ разсвѣту къ аулу, въ разстояніи 30 италіанскихъ миль ($52\frac{1}{2}$ версты); пароходъ Волга, также взявшіи на буксиръ 1-й дивизіонъ, долженъ былъ сняться съ якоря ночью и идти къ тому же мѣсту. Возвратившись на свои суда, командиры тотчасъ вызвали на палубы свои команды и желающимъ предложили отѣлиться; оказалось, что всѣ до одного матроса перешли на другую сторону и желающихъ оставаться на суднѣ не нашлось; надобно было самимъ назначать.

Въ 6-часовъ пополудни обѣ шхуны снялись съ якоря и, буксirуя свои дивизіоны, стали лавировать изъ залива. Вѣтеръ былъ тихій, восточный, а потомъ перенесъ въ сѣверный и стихъ совершенно, такъ, что шхуны не могли прийти къ разсвѣту въ назначенное мѣсто. На разсвѣтѣ вѣтеръ опять подулъ тихій противный и шхуны начали лавировать; шхуна Тарантуль опередила свою спутницу, находясь отъ аула Гасанъ-Гули въ 10-ти верстахъ.

На пароходѣ, который уже находился на мѣстѣ, поднять былъ сигналъ свисти десантъ. Передавъ этотъ сигналъ на шхуну Комаръ, паходившуюся еще въ 10-ти верстахъ далѣе, и здѣвъ командованіе шхуною старшеверстахъ 7

му офицеру, командиръ шхуны повель на веслахъ свой дивизіонъ къ пароходу, куда и подошелъ въ 1 часу пополудни: пароходъ стоялъ на якорѣ въ виду аула Гасанъ-гули, въ 4 верстахъ отъ берега, на глубинѣ 5-ти футъ, — ближе подойти было невозможно. Противу аула на самой отмели виднѣлось много Туркменскихъ лодокъ, около которыхъ суетились Туркмены, выбирая изъ нихъ оружіе и разные запасы: это подтвердило донесеніе лазутчиковъ, что Туркмены дѣйствительно собирались въ море не для рыболовства, а на разбой.

Еще до прихода 2-го дивизіона, командующиій станцію, находившійся на пароходѣ, послалъ бумагу къ старшинамъ Туркменскимъ, чтобы они немедленно выдали плѣнныхъ, захваченныхъ Туркменами и также выдали бы виновныхъ, которые осмѣливались стрѣлять съ лодокъ по военному бригу Мангышлакъ, который въ Сентябрѣ мѣсяцѣ шелъ изъ Астрахани въ астрабатскій заливъ для присоединенія къ отряду; требовалъ наказать ихъ за оскорблѣніе русскаго флага, обѣщая, въ случаѣ покорности, уйти, не дѣлай никакого вреда, а въ противномъ случаѣ грозя истребить ихъ лодки.

Туркмены не были расположены исполнить наше требованіе. Вместо отвѣта покорности, они стали устраивать на берегу завалы, и засѣли въ своихъ лодкахъ, чтобы стрѣлять оттуда въ случаѣ нападенія. Когда подошелъ 2-й дивизіонъ, уже окончился 3-хъ—часовой

срокъ, данный командуюющимъ станцію Туркменамъ, для исполненія его требованія.

Приказалъ построить оба дивизіона въ линію баталіи и помѣстившись самъ на барказѣ, командующиій астрабатскою станцію, капитанъ-лейтенантъ Свинкинъ, повель нась къ берегу. Не доходя съ версту до берега, лодки наши стали на мель такъ, что мы должны были выйти изъ нихъ въ воду и начали перетаскивать ихъ чрезъ забурунье, за которымъ было нѣсколько поглубже; подведя дивизіоны на разстояніе ружейнаго выстрѣла къ лодкамъ Туркменъ, разбросаннымъ около берега, и построивъ оба дивизіона въ одну параллельную съ берегомъ линію, командующиій станцію послалъ вторично объявить Туркменамъ, чтобы они немедленно исполнили его требованіе; но едва посланный съ этимъ порученіемъ мирный Туркменъ передалъ его, какъ, вмѣсто отвѣта, Туркмены, засѣвшіе въ лодкахъ, сдѣлали по нась залпъ изъ ружей и ранили одного матроса на барказѣ.

Дольше медлить было невозможно; командующиій подалъ знакъ и оба дивизіона открыли дружную пальбу изъ фальконетовъ, чтобы выгнать Туркменъ изъ лодокъ. Выстрѣлы наши были очень удачны, и Туркмены, сдѣлавши нѣсколько залповъ, выскочили изъ лодокъ и бѣжали на берегъ, гдѣ и укрылись за завалами. Дивизіоны наши, пользуясь отступленіемъ, подвинулись еще ближе къ лодкамъ, и отъ каждого дивизіона были посланы партии зажигать ихъ подъ при-

крытиемъ артиллери. Лодки нашихъ дивизионовъ были вытащены совершенно на мель и расположены такимъ образомъ, что выстрѣлы ихъ дѣйствовали въ промежуткѣ между непріятельскими лодками и берегомъ, не допуская Туркменъ выходить изъ заваловъ.

Девять лодокъ было уже зажжено; Туркмены продолжали стрѣлять изъ заваловъ; пѣсколько разъ смѣльчаки изъ нихъ съ шашками бросались на наши дивизионы, но, удерживаемые дружнымъ огнемъ артиллерии не могли ничего сдѣлать. Ближе къ берегу, почти на сушѣ, находились еще 6 лодокъ; надобно было истребить ихъ, а это было гораздо труднѣе, потому что близъ ихъ находилось много заваловъ; дальше на берегу, куда не достигали наши выстрѣлы, собралось до 2,000 Туркменъ, а потому мы, приподнявъ на плечахъ свои лодки, подтащили ихъ еще ближе къ берегу. Тогда раздѣлили команды обоихъ дивизионовъ на двѣ партіи, оставивъ на лодкахъ только по четыре человѣка для дѣйствія пушками; первая партія изъ 30 человѣкъ назначена была дѣйствовать ружейнымъ огнемъ, а 18 человѣкъ съ топорами, смольными кранцами и фальшвѣрами зажигать лодки; партіи отправились. Хотя 1—фунтовыя ядра фальконетовъ не могли пробивать заваловъ и выгнать оттуда непріятеля, но удерживали ихъ, не допуская выходить изъ-за нихъ; только смѣльные изъ нихъ выскакивали изъ заваловъ и, выстрѣливъ изъ ружья, поскорѣе при-

тались,—но выстрѣлы эти, худо направленные, не вредили намъ.

Не скоро подались лодки усиливъ нашихъ матросовъ, но огонь и топоръ взяли свое; лодки загорѣлись и оставить ихъ было невозможно, потому что Туркмены тотчасъ загасили бы огонь и засѣли бы въ нихъ; надобно было ждать, не прекращая дѣйствія артиллери; лодки были построены изъ персидской ольхи, не высмолены, и на нихъ еще не возили нефти, которая помогла скоро загорѣться первымъ лодкамъ.

Въ это время подошелъ къ мѣсту сраженія, усиленною греблею, третій дивизионъ, и такъ какъ 15 лодокъ, противу которыхъ мы дѣйствовали, были зажжены, то ему было приказано идти на лѣвый флангъ, гдѣ находилось еще 11 лодокъ, и зажечь ихъ.

Третій дивизионъ, открывъ огонь, тотчасъ зажегъ 4 лодки, бывшія на глубинѣ и ближе къ самому берегу на отмели; оставалось еще 7-ми лодокъ, на которыхъ успѣла укрыться большая партія Туркменъ; ядра туда недоставали, и это ободряло ихъ; они дѣйствовали меткимъ бѣглымъ огнемъ; пули ихъ ложились около, не долетая до лодокъ 3-го дивизиона.

Замѣтивъ, что одного 3-го дивизиона не достаточно для уничтоженія послѣднихъ Туркменскихъ лодокъ, командующій станціею приказалъ лодкамъ 1-го и 2-го дивизиона немедленно слѣдовать на помощь къ 3-му дивизиону, оставивъ барказъ дѣйствовать своими фаль-

конетами, дабы не допустить Туркменъ затушить го-
рящія лодки.

Собравъ своихъ людей, мы тотчасъ приподняли не-
много лодки на плечи и потащили ихъ къ лодкамъ,
гдѣ засѣли Туркмены на такое разстояніе, чтобы до-
летали ядра. Лодки былия желы и Туркмены также
не молчали и осыпали насъ градомъ пуль; но настой-
чивость и мужество чего не сдѣлаютъ!—матросы на-
ши, не смотря на то, что первый разъ еще были
въ дѣлѣ, не робѣли и дружно съ уханьемъ тащили
на плечахъ лодки. Приблизившись къ непріятельской
засадѣ на фальконетный выстрѣль, они тотчасъ на-
правили всѣ пушки были на нее; Туркмены не выдер-
жали, выскочили изъ лодокъ и бросились бѣжать. Въ
это время мичманъ Гелесемъ съ партіею 20 матро-
совъ посланъ быть занять лодки, а вслѣдъ за нимъ
другая партія отправлена была зажечь ихъ; Туркмены
бѣжали изъ лодокъ за ближайшій пригорокъ; будучи
безопасны отъ ядеръ, они продолжали перестрѣлку, но
матросы также не оставались въ долгу и, не смотря
на неудобство заряжать ружья, стоя въ водѣ, отвѣчали
имъ бѣглымъ огнемъ.

Наступили сумерки, когда разгорѣлись послѣднія 6-ть
лодокъ; Туркмены, видя невозможность защитить свои
суда, пытались спасти ихъ: они ползкомъ достигали
до горѣвшихъ лодокъ, стараясь заливать ихъ водою,
но за движеніями ихъ слѣдили и, посыпая къ смѣль-

чакамъ ядра, заставляли ихъ отказаться отъ своего
намѣренія.

Была уже ночь, когда мы возвратились на пароходъ,
а оттуда на свои шхуны, которыя во все время
сраженія держались подъ парусами, въ виду аула.

Всѣхъ лодокъ сожгли 26, съ нашей стороны было
только одинъ раненый; хотя Персіяне считаютъ Турк-
менъ хорошими стрѣлками, но на нашей сторонѣ было
правое дѣло: «съ нами Богъ и никто же на ны.»

ПРАЗДНЕСТВО ГРЕНАДЕРСКАГО СТРѢЛКОВАГО
БАТАЛІОНА.

1853 года 21-го Марта, въ Або происходило совер-
шенно новое для Финляндцевъ празднество. Гренадер-
скій Стрѣлковый баталіонъ, сформированный и ком-
плектующійся изъ однихъ Финляндцевъ, со времени
семилѣтнаго своего существованія, въ первый разъ
праздновалъ день своего, такъ сказать, рождения. Праз-
дникъ этотъ будетъ повторяться ежегодно, и называться
баталіоннымъ праздникомъ. 21-е Марта (2-е Апрѣля) из-
брано потому, что въ этотъ день объявлено Высо-
чайшее повелѣніе въ приказѣ Военнаго Министра о сфор-
мированіи баталіона. Баталіонъ сформированъ въ 1846
году, подъ именемъ Финскаго Стрѣлковаго баталіона,
а въ 1848-мъ году былъ уже на Высочайшемъ смотрѣ,